

ТЕОРИИ НАЦИОНАЛИЗМА И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА: ПАРТИКУЛЯРИЗМ VS УНИВЕРСАЛИЗМ

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (научный проект № 16-03-00421).

Обосновывается возможность создания «синтетической» теории национализма на основе методологического инструментария исторической науки. Делается вывод о том, что взгляд на национализм на основе метатеорий исторического процесса позволяет анализировать этот феномен в широком социокультурном контексте. Факторный подход обеспечивает необходимое сочетание элементов цивилизационной и модернизационной теорий в целях объяснения быстрой трансформации архаичных народов в современные нации.

Ключевые слова: национализм; нация; цивилизационная теория; теория модернизации; перенниализм; факторный подход.

Национализм и история: в поисках синтетической теории

Несмотря на множество работ, посвященных теоретическому изучению национализма, споры вокруг него не прекращаются. Ведущие специалисты, дискутируя о значении дефиниции «национализм» и подходах к его объяснению, сходятся во мнении о важнейшей роли национализма в истории с XVIII в. по настоящее время. В этой связи американский историк Ханс Кон отметил, что «в конце XVIII века национализм проявился почти одновременно в нескольких европейских странах – пришло его время в эволюции человечества» [1. С. 27]. Британский историк Эрик Хобсбаум подчеркивал, что «последние 200 лет истории человека на планете Земля останутся совершенно непонятными, если не разобраться прежде в смысле термина “нация” и его производных» [2. С. 5]. Английский историк Джон Бройн, актуализируя национализм, справедливо подчеркнул, что «национализм является самой важной политической идеологией современной эпохи» [3. Р. 65].

Современные исследователи национализма разделились на «оптимистов», считающих создание универсальной теории объяснения национализма возможным, и «пессимистов», отрицающих такую возможность. В связи с партикулярным характером, многообразием форм и проявлений национализма в современной науке преобладают «пессимисты». Они отстаивают тезис о невозможности создания единой теории нации и национализма. Американский исследователь Роджерс Брубейкер радикальным образом выразил подобную позицию: «Поиск некой (или главной) теории национализма, так же как и поиск определенного (или универсального) решения национальных конфликтов, является, по моему убеждению, заблуждением: как теоретические, так и практико-политические проблемы, связанные с национальностью и национализмом, обладают множеством форм и не поддаются разрешению в рамках одного теоретического (или практического) подхода» [4. С. 104]. Более умеренным образом позицию «пессимистов» озвучил турецкий исследователь Умат Озкирими: «Мы должны фактически отказаться от нашего стремления к большой теории. Вполне возможно, что теория различных националистических практик как

раз именно то, что нам и нужно. Такие частные теории в действительности могут пролить свет только лишь на уголок более широкого полотна, но разве это не то, что зовем прогрессом? В конце концов, для моряка имеет значение крошечный проблеск далекого маяка, а не яркий солнечный свет» [5. Р. 104]. В противоположность «пессимистам» «оптимисты», пытаясь отыскать универсальные основы национализма, создали ряд плодотворных теорий для объяснения этого феномена, однако так и не смогли определить его общепризнанных паттернов. «Оптимисты», пытаясь найти некий универсальный источник и принцип организации национализма, тем не менее, существенно расходятся в его формулировках. Так, например, английский философ и социальный антрополог Эрнест Геллнер определил национализм как принцип: «Национализм – это прежде всего политический принцип, суть которого состоит в том, что политическая и национальная единицы должны совпадать» [6. С. 23]. В то время как его ученица, культуролог Лия Гринфилд, несколько по иному охарактеризовала принцип национализма, заявив, что его общим основанием является «идентичность, которая выводится из принадлежности к “народу”, основной характеристикой которого является определение его как нации», хотя «во всем остальном в различных национализмах мало общего» [7. С. 12].

Цель данной работы – обосновать возможность создания «синтетической теории» изучения национализма с использованием методологического инструментария исторической науки, привлекая в этой связи в качестве области эмпирического примера материалы, связанные с национализмом и цивилизационными основами советской модернизации жизни российских бурят в 1920-х гг.

Британский историк и исследователь национализма Энтони Смит делит все исследования национализма на две группы: перенниализм (рассматривают нацию как культурную, органическую общность, извечный феномен, уходящий корнями в прошлое) и модернизм (представляют нацию как политическую общность, феномен нового времени, механистически созданный людьми) [8. С. 58]. Перенниалисты особое внимание уделяют культурным традициям и истории, символам нации, исследуют эмоциональное восприятие людьми процессов нациестроительства. Модерни-

сты делают акцент на категории «интересов», лежащих в основе процессов нациестроительства и национального бытия, придают огромное значение модернизации общества и связанным с ней процессам массовой коммуникации, развитию экономики и современных политических и социальных институтов. Теоретически о связи интереса с аффективной практикой и эмоциями писал еще Дэниел Белл, который подчеркивал, что «этничность... может сочетать интерес с аффективной связью» [9. Р. 169]. Однако дальше констатации самого факта этой связи исследователи не продвинулись, ее механизм не объяснен до сих пор. В такой ситуации главная задача синтетической теории национализма заключается в теоретическом обосновании возможности синтеза рациональной категории «интерес» и связанной с ним модернизации с культурными и историческими основами нации, с иррациональной, эмоциональной составляющей процессов нациестроительства и национального бытия. Иными словами, нацию уместно сравнить с монетой. Без рассмотрения двух разных сторон одной монеты представление о ней не может быть всесторонним и целостным.

При всей разности во взглядах исследователи наций и национализмов сходятся, однако, во мнении, что это исторические образования *par excellence*. Американский социолог и философ Иммануил Валлерстайн, подчеркивая это обстоятельство, пишет: «Множественные, сложные по составу сообщества, к которым все мы принадлежим, “ценности”, которые мы разделяем, по отношению к которым мы выражаем “преданность”, которые определяют нашу социальную идентичность – все эти сообщества как одно являются историческими конструкциями, находящимися в процессе постоянной реконструкции» [10. С. 259]. Заметим при этом, что все та же Лия Гринфилд, попытавшаяся создать универсальную теорию национализма, сделала это, тем не менее, на примере пяти конкретных национализмов, имеющих собственные истории. Синтетическая теория национализма может быть успешно создана только в случае применения принципов исторической науки и исторического анализа.

Представители общественных наук, пытающиеся создать теоретический концепт для осмысления наций и национализмов, – феноменов исторических, – редко проводят их всесторонний исторический анализ. В этой связи Энтони Смит, выступающий за поиск возможностей синтеза существующих в науке подходов к исследованию национализма, в качестве слабости современных исследований отмечает: «Во многих исследованиях, ведущихся в данном направлении, наблюдается нехватка исторической глубины, – в области, которая как раз и требует такой глубины, причем в отношении уже сложившихся исторических явлений» [8. С. 396–397]. Признание же национализма в качестве исторического феномена требует применения для его изучения принципов исторической науки. В подобных исследованиях национализма они выполняют функцию маркеров, определяющих границы исторического исследования и систему его методологических координат. Для изучения национализма

наиболее значимы два принципа исторического исследования: историзм и методологический синтез.

В силу историчности феномена национализма принцип историзма должен лежать в основе его изучения. Он позволяет рассматривать исторические факты, события и явления в их становлении, последовательном развитии, взаимозависимости и взаимообусловленности на основе закономерностей общественного развития в связи с конкретными историческими условиями. При этом вполне очевидно, что именно особое отношение ко времени – одна из универсальных основ национализма. Исследователи по-разному интерпретируют ее.

Американский историк Патрик Гири считает, что национализм – «это история политического присвоения и манипулирования унаследованных от прошлого имен и представлений в интересах созидания настоящего и будущего. Это история постоянных изменений, радикальных разрывов, а также политических и культурных коллизий, замаскированных повторным переприсвоением старых слов, чтобы определить новые реалии [11. Р. 156–157]. Он рассматривает процессы нациестроительства как последовательное конструирование на основе прошлого, настоящего и будущего».

Британский политолог и социолог Бенедикт Андерсон смотрит на это иначе, считая, что прошлое нации конструируется из настоящего для обоснования ее единства. Он пишет: «Поскольку у наций нет Творца, ее биография не может быть написана по-евангельски, “от прошлого к настоящему”, через длинную череду рождений. Единственная альтернатива – организовать ее “от настоящего к прошлому”» [12. С. 222–223].

На наш взгляд, для национализма особенно важны категории прошлого и будущего. Нация – это историческая общность в идеологических конструктах, как правило, укорененная в прошлом и на его основе ориентированная в будущее. При этом настоящее в национализме не так важно, оно лишь связывает прошлое с будущим. В качестве исключения можно указать лишь опыт двух великих революций – французской и русской, когда якобинцы и большевики, отрицая полностью прошлое и исторические традиции, ориентировали свой идеологический конструкт исключительно в будущее. Якобинский национализм, отрицающий прошлое и сфокусированный на будущем, американский историк Карлтон Хэйес назвал «мессианским национализмом» [13. Р. 102]. Однако не стоит забывать, что в обоих случаях от этой практики быстро происходил отказ. И Наполеон, и И.В. Сталин перешли на имперскую модель, использующую для эффективного управления народами их исторические традиции. Поэтому в той или иной мере все успешные проекты нациестроительства всегда апеллируют к истории. В этом коренится отличие процессов нациестроительства от государственного строительства (когда, например, новое государство может быть построено для удовлетворения исключительно одних только утилитарных потребностей настоящего).

Современные исторические исследования носят по преимуществу междисциплинарный характер, что требует применения второго принципа – методологического синтеза. Этот принцип предполагает использование подходов и концепций различных наук, включающих в себе взаимодополняющие эвристические возможности, дает возможность всесторонне интерпретировать сущность изучаемых событий и явлений. Принцип методологического синтеза позволяет историку, проводящему междисциплинарное исследование, оставаться в границах исторической науки. В этой связи, характеризуя применение принципа методологического синтеза историками, Б.Г. Могильницкий писал: «Прошло время методологического плюрализма, предполагавшего использование различных познавательных принципов, не сводимых к какому-либо одному, основополагающему. Речь, следовательно, должна идти о методологическом синтезе, составляющем концептуальное ядро исторического синтеза и осуществляющемся в сфере исторического познания: на поле истории и под ее эгидой» [14. С. 9].

Исторический взгляд на национализм требует его рассмотрения в максимально широком историческом контексте с учетом многообразных политических, социально-экономических, культурных явлений и процессов. Синтетическая теория национализма, предполагающая универсализм в объяснении национализма как идеологической основы развития человечества с Нового времени по настоящий момент, способна поставить под сомнение доминирование постмодернистской, фрагментарной парадигмы миропонимания и актуализировать исторические теории, претендующие на универсальные концепции истории. Синтетическая теория национализма, созданная на основе исторической науки, способна придать новый импульс развитию исторических макротеорий. Это важно для развития исторической науки и можно рассматривать в качестве одной из перспективных задач синтетической теории национализма.

Цивилизация, модернизация и теория национализма

Историческое исследование столь масштабного и сложного социокультурного феномена, как национализм, с необходимостью должно основываться на макротеориях исторического процесса. В историческом знании самыми распространенными являются две макроисторические концепции, претендующие на универсальную концепцию истории, – модернизационная и цивилизационная. Теория модернизации подразумевает универсальную траекторию развития человечества, подразделяемую на стадии. Цивилизационная теория делает упор на партикулярности исторического пути культурно-исторических общностей (цивилизаций). В целом и модернизационное, и цивилизационное понимание исторического процесса успешно коррелирует с двумя основными парадигмами нациопонимания, охарактеризованными Энтони Смитом перенниализмом и модернизмом. Вполне

очевидно, что перенниалистам будет ближе цивилизационное понимание исторического процесса, а модернистам – теория модернизации.

Основным принципом теорий модернизации является идея универсальной социальной эволюции. Приверженцы модернизационной парадигмы считают, что имеется закономерное развитие человечества от одного типа общества к другому: от традиционного общества к индустриальному и постиндустриальному. Сильная сторона социальной онтологии такого типа – это способность к осмыслению всемирно-исторических инвариантов социальной эволюции, технологического и социального прогресса, необратимости социальных изменений, соотношения уровня развития разных обществ. В частности, индустриальная революция, породившая конвейерное образование, неизбежно ведет к модернизационному преобразованию архаичных народов в современные нации на основе гражданства. В этой связи Эрнест Геллнер утверждал, что национализм и нации есть следствие модернизации общества, породившей прогрессирующую экономику и новую индустриальную культуру, для обеспечения существования которой «нужны силы государства, эквивалентного всему обществу». Зарождение индустриального мира, по мнению Эрнста Гелленера, привело к «наступлению века национализма» [6. С. 287–288]. Понимание исторического процесса на основе теории модернизации предполагает, что другие народы будут развиваться по сходному пути. Модернисты, связывающие национализм с модернизацией, по сути, предлагают универсалистское понимание национализма.

Универсальную модель развития исторического процесса подвергают критике сторонники цивилизационной теории, справедливо указывающие, что западное общество – это вовсе не типичный образец движения социума от стадии к стадии. Согласно взглядам цивилизационного подхода социальное пространство не едино, но распадается на изолированные друг от друга части – по числу выделяемых цивилизаций. Каждая из цивилизаций в своей основе и в качестве того, что ее отличает от других цивилизаций, содержит такую системообразующую ценностно-нормативную структуру, как культура. Содержательные различия цивилизаций нивелируются тем, что в основе их внутренней динамики лежит одинаковый принцип – «органицистская метафора», поскольку цивилизация – это социально-культурный организм, а значит, как организм она рождается, растет, расцветает, переживает надлом и умирает. Сильная сторона цивилизационной онтологии – это сосредоточение внимания на реальной специфике каждой большой исторической целостности, т.е. цивилизации, осмысление действительно имеющих место циклических процессов, фиксируемых историей. Таким образом, цивилизационная теория отстаивает партикулярную модель развития исторического процесса с многообразием национализмов.

Вместе с тем цивилизационной теории присущи свои недостатки. Во-первых, между цивилизациями отсутствуют непроницаемые перегородки. Они со-

единяются, разделяются, перетекают друг в друга, а главное – способны сильно влиять друг на друга на всем протяжении всемирной истории. Во-вторых, стройной структуры в рамках принципа цивилизационных изменений также нет – скорее, есть цивилизационные приливы (расцветы) и отливы (кризисы), но это чередование не имеет строгой регулярной структуры. В-третьих, цивилизационная специфика не мешает проявлению универсальных геополитических и геоэкономических закономерностей развития человечества (например, включение всех цивилизаций в структуру глобальной мировой экономической и политической систем).

Современные исследователи много теоретизируют вокруг проблем «нация и модернизация», «нация и империя», но, к сожалению, проблема «нация и цивилизация» пока остается за рамками теоретических дискуссий о национализме. Любая цивилизация полиэтнична. Из этого следует, во-первых, что для цивилизационной теории важны вопросы о взаимоотношениях национализмов этнических групп внутри цивилизации (уровень горизонтальной коммуникации национализмов). В России эпохи Гражданской войны в качестве примера таких взаимоотношений можно рассматривать отношения украинских и сибирских националистов. При горизонтальной коммуникации цивилизационная специфика определяет характер такого взаимодействия. Во-вторых, важны вопросы об отношениях национализмов этнических групп с культурой, являющейся ядром цивилизации (уровень вертикальной коммуникации национализмов). В качестве примера здесь можно привести взаимоотношения русского и алтайского национализмов. В контексте рассматриваемой проблемы «нация и цивилизация» важно подчеркнуть, что национализм, основанный на образующей цивилизацию культуре, будет иметь и обусловленную культурой цивилизационную специфику. Так, например, Эрнест Геллнер утверждал, что национализм вырос из культуры модерна, которая подрывает влияние религии в обществе. По его мнению, высокая индустриальная культура больше не связана с религией и церковью [6. С. 287]. С некоторыми оговорками это справедливо для западноевропейской цивилизации. Однако данная схема не подходит для объяснения русского национализма, который в качестве одной из своих основ использовал православие. С учетом определяющего значения православия для формирования русского народа исторически русский национализм – это религиозный национализм. В частности, в годы Гражданской войны в России именно так позиционировало его Белое движение, активно использовавшее националистический дискурс в своей пропаганде [15].

Несмотря на кажущуюся победу модернистов, в последние годы наблюдается активизация перенниалистов, которые не собираются уступать поле битвы в споре с модернистами. В современной науке наблюдается своеобразный Ренессанс перенниализма. Например, сегодня все большее внимание к себе привлекают работы современных перенниалистов Стефана Ван Эверы [16] и Мюрата Байяра [17], которые не

без успеха критикуют слабые места у модернистов, отстаивая значение культуры и исторических традиций, обращая при этом внимание в том числе и на влияние эмоционального фактора для развития этничности. Перенниалистских взглядов придерживаются и многие отечественные специалисты, что отчасти объясняется влиянием советской школы, где перенниализм традиционно доминировал. В этой связи отметим статью Л.И. Шерстовой, которая справедливо отмечает, что «укрепление антропологического подхода с его принципами “надэтничности”, “внеисторичности” мало помогает пониманию причин возрастания роли и значимости этнического фактора как во внутренней жизни государств, так и в международных отношениях» [18. С. 176].

Современную методологическую ситуацию изучения национализма уместно проиллюстрировать через шахматную метафору. Изучение национализма вне истории можно сравнить с пристальным разглядыванием и оценкой фигуры вне связи с другими фигурами на шахматной доске. Вне шахматной доски фигура теряет свое значение, становясь просто предметом. Фигура является таковой только на доске в окружении других фигур, при этом от их расстановки зависит ее значимость. Историческое знание дает возможность проанализировать партию, разобрав ход игры и оценить значимость каждой из фигур в отдельных эпизодах разыгранной партии. Историческое поле выполняет для национализма роль шахматной доски, где действуют правила, по которым фигурами ведется игра. Изучение национализма вне истории абстрактно, оторвано от реальной действительности. Создание «синтетической» теории национализма «на поле истории и под ее эгидой» возможно, поскольку внешне разные фигуры играют по общим правилам, действующим на доске. Для того чтобы понять ход партии, необходимо знать правила и следить за действиями всех фигур оценивая развитие партии в динамике.

При этом при объяснении реальных исторических процессов нациестроительства плодотворным было бы отказаться от строго детерминированных моделей истории, страдающих определенной односторонностью трактовок и интерпретаций исторического процесса. Известный отечественный социальный философ Н.С. Розов в этой связи предложил опираться на так называемый факторный подход. Данный подход не предполагает жесткой детерминации, поскольку он только показывает сами факторы. Такой подход, прежде всего, стремится воспользоваться сильными сторонами обеих охарактеризованных выше метатеорий исторического процесса. Необходимо отметить, что в основе данного подхода лежит взгляд на общество как результат комплексного воздействия системы факторов, обуславливающих историческую динамику и социальную эволюцию. Для приведения факторов в систему Н.С. Розов предложил выделять базовые факторы. Под базовыми факторами исторической динамики и социальной эволюции он понимает комплексы механизмов и закономерностей, которые являются универсальными и неотъемлемыми свойствами основных компонентов социальной действитель-

ности и относительно независимы от конкретных исторических явлений и процессов. При этом характер действия базовых факторов может зависеть от своих фундаментальных условий, которые могут меняться при кумулятивном действии исторических явлений. В некотором смысле базовые факторы – это динамические субстанциальные свойства социальной действительности, наличие и действие которых специальных объяснений не требует. Напротив, то, почему не «работает» тот или иной базовый фактор, почему его действие принимает ту или иную (особенно необычную) форму – требует отдельного объяснения. В понятии базовости факторов также подразумевается, что все остальные факторы исторической динамики и социальной эволюции в рамках этой модели считаются следствиями действия одного или комбинаций влияния нескольких базовых факторов [19. С. 148–149, 174–181].

Национализм и цивилизационные основы советской модернизации жизни русских бурят в 1920-х гг.

Использование элементов цивилизационной теории и теории модернизации для изучения этнополитических процессов, позволяет выделить в качестве базовых факторов, обусловивших зарождение и развитие национализма у народов России, фактор принадлежности к цивилизации (цивилизационной специфике) и фактор модернизации, перманентно продолжающейся в России на протяжении XVIII–XXI вв.

Исследователи цивилизационной специфики России отмечают, что это многонациональная цивилизация – исторически сложившееся сообщество народов с объективно присущими ему этноинтегрирующими факторами и конфликтогенными противоречиями. Это сообщество обладает собственной оригинальной государственной организацией, которая впитала опыт и традиции государственности присоединенных народов. Не менее важными для интеграции народов оказались прогрессирующие экономические взаимосвязи и взаимовлияния, а также культурное взаимодействие [20. С. 372]. История России рассматривается приверженцами цивилизационной парадигмы как целостное явление со своей спецификой во внутреннем развитии. Однако оно происходит не изолированно, а с учетом вызова мировой ситуации. Это нужно учитывать при анализе состояния страны в первой четверти XX в. В тот период своего исторического развития российская цивилизация переживала системную модернизацию всех сфер общественной жизни. Под модернизацией в современной науке понимается всеобъемлющий процесс инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному обществу, который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность процессов: структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, становления современных мотивационных механизмов и т.д. [21. С. 3]. Современные исследователи признают, что модернизацион-

ный процесс включает в себя формирование новых социокультурных, политических и социально-экономических институтов и механизмов, позволяющих использовать новые технологии для решения задач общественного развития [22].

В начале XX в. перед российской цивилизацией стояла задача перехода к индустриальному обществу путем модернизации всех сфер социальной жизни. Общим для российской и западной цивилизаций являлся технологический аспект модернизации, выражавшийся в бурном индустриальном развитии. При этом методологически важное значение имеет тезис о том, что модернизацию России начала XX столетия некорректно отождествлять с вестернизацией. Израильский социолог Шмуэль Ной Эйзенштадт выдвинул идею о множественности модернизаций, зависящих от культуры. Соответственно, он доказал, что нельзя отождествлять модернизацию и вестернизацию, западный образец является лишь одним из вариантов модернизации. По этому вопросу применительно к современному миру ученый писал: «Идея множественных Модернов предполагает, что лучший способ понять современный мир – а в действительности объяснить историю современности – это рассматривать его как историю постоянного создания и воссоздания множества культурных программ. Эти программы, если мы обращаемся к реконструкции множественных институциональных и идеологических паттернов, переносятся конкретными социальными субъектами и тесно связаны с социальными, политическими и интеллектуальными активистами, а также общественными движениями, претворяющими в жизнь различные программы современности и придерживающихся очень разных взглядов на то, что именно делает общество современным» [23. Р. 2]. Современное научное сообщество в большинстве своем приняло идеи Эйзенштадта. Известный отечественный специалист по проблемам модернизации В.Г. Федотова по поводу «национальной специфики модернизации» отмечает: «Сегодняшние представления социальной науки о многообразии “модернизмов” принципиально отличаются от признания национальной специфики в классической модернизационной теории. Отличие в том, что классическая теория модернизации рассматривала Запад как единственный образец, а эмпирические несовпадения с этим образцом трактовала как незавершенную или неуспешную модернизацию. Новая концепция множества “модернизмов” и национальных модернизаций считает различия в модернизации разных стран закономерными, отрицая единый образец» [24].

Н.М. Солодуха и А.М. Сабирзянов предложили приложить к теории факторов методологию ситуационного подхода. Под ситуацией они понимают «такое событие, которое возникает в результате внешних или внутренних факторов системы, характеризующееся сложившимися условиями или обстоятельствами, ведущие к смене одного положения и состояния фрагмента бытия другим» [25. С. 57]. Такой подход к теории факторов особенно важен для исторического исследования, ограниченного хронологическими рамками, от-

ражающими определенную ситуацию. Например, революционные события и Гражданская война детерминировали модернизацию всех сфер бытия российской цивилизации в первой четверти XX в. Именно ситуационный подход позволяет применять факторную теорию в историческом исследовании, руководствуясь исследовательским императивом «на поле истории и под ее эгидой».

Понимая модернизацию как осовременивание основных сфер общественной жизни в ответ на вызов, исходивший со стороны индустриально развитой западной цивилизации, подчеркнем, что в ходе революций и Гражданской войны страна искала собственные формы цивилизационного ответа на вызов Запада. Эти формы были национальными, альтернативными по отношению к западному устройству общества, и, вне всякого сомнения, они были найдены. Выдающийся английский историк Арнольд Тойнби подчеркивал значение духовного фактора в межкультурной борьбе: «Столкновение между остальным миром и Западом переходит из сферы технологической в сферу духовную» [26. С. 261]. В этой связи о модернизации в Советской России он справедливо писал: «Коммунистическая Россия была, пожалуй, первой незападной страной, признавшей возможность полного отделения сферы промышленного производства от западной культуры, заменяя ее эффективной социальной идеологией» [Там же. С. 51].

Рассмотрим пример модернизации межэтнических отношений в России на основе собственного исторического опыта. В результате модернизации на Западе происходило включение широких масс населения в политический процесс, строилось общество, основанное на либеральных ценностях. В западной цивилизации изживалось понятие национальности, основанной на этнической идентичности. Руководствуясь «правом наций на самоопределение» (под нацией понималась гражданская общность), Запад строил общество индивидов и социальных групп, придя впоследствии к идеям поликультурности и мультикультуризма.

Модернизация государственной политики в отношении отдельных народов российской цивилизации проходила по принципиально иному пути. Рецепт модернизации межэтнических отношений был предложен лидером большевиков В.И. Лениным, который мечтал о создании рабочим классом нового типа государства, в котором «разные нации свободно и мирно уживались вместе или расходились (когда это им удобно), составляя разные государства... Ни одной привилегии, ни одной нации, ни для одного языка! Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости! – вот принципы рабочей демократии» [27. С. 150].

Судьбоносным для народов России стал X съезд РКП(б), который проходил в марте 1921 г. Съезд широко известен как последний съезд партии, проходивший в условиях локализации Гражданской войны в России, на котором было продекларировано решение о проведении НЭП. Решения съезда по национальному вопросу на десятилетия определили развитие межэтнических отношений в России. Съезд принял программную резолюцию «Об очередных задачах партии в национальном вопросе». Он утвердил феде-

рацию как наиболее приемлемую для Советской России форму государственного устройства. «Федерация советских республик, основанная на общности военного и хозяйственного дела, является той общей формой государственного союза, которая дает возможность: а) обеспечить целостность и хозяйственное развитие как отдельных республик, так и федерации в целом; б) охватить все разнообразие быта, культуры и экономического развития различных наций и народностей, стоящих на разных ступенях развития и, сообразно с этим, применять тот или иной вид федерации; в) наладить мирное сожительство и братское сотрудничество наций и народностей, связавших так или иначе свою судьбу с судьбой федерации. Опыт России с применением различных видов федерации, с переходом от федерации, основанной на советской автономии (Киргизия, Башкирия, Татария, горцы Дагестана), и федерации, основанной на договорных отношениях с независимыми советскими республиками (Украина, Азербайджан) и с допущением промежуточных ступеней между ними (Туркестан, Белоруссия), целиком подтвердил всю целесообразность и гибкость федерации как общей формы государственного союза советских республик» [28. С. 602].

Для развития народов России особо важным представлялось то, что делегатами съезда была подчеркнута «необходимость умелого и организованного использования в советской работе на восточных окраинах всех честных и доказавших свою преданность Советской власти элементов национальной интеллигенции ранее угнетенных народов» [Там же. С. 607]. В дальнейшем значение привлечения на советскую службу представителей национальных элит нерусских народов постоянно подчеркивалось в руководящих партийных документах. В итоговой резолюции IV Совещания ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей, проходившем в июне 1923 г., говорилось: «Роль местной интеллигенции в республиках и областях во многих отношениях иная, чем роль интеллигенции центральных районов Союза Республик. Окраины настолько бедны местными интеллигентными работниками, что каждый из них должен быть привлечен на сторону Советской власти всеми силами» [29. С. 283]. По итогам совещания ЦК РКП(б) выпустил циркулярное письмо о мероприятиях по реализации постановлений совещания, в котором местным партийным организациям предписывалось «произвести учет беспартийной, но лояльной интеллигенции по национальностям» [30. С. 171].

X съезд подчеркнул полное политическое и правовое равенство народов Советской России как результат политики РКП(б) в национальном вопросе. Съездом партии ставилась задача ликвидации государственной, хозяйственной и культурной отсталости российских народов. Резолюция указывала на необходимость помощи народам окраин в развитии промышленности, в развитии и укреплении советской государственности, органов власти и хозяйства, суда, прессы, школы и т.д., что позволило бы «трудным массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию» [28. С. 604].

Следует подчеркнуть, что советская модернизация политики государства в отношении народов России проводилась с учетом цивилизационных особенностей России, включающих в себя элементы как западного, так и восточного типов культуры. Сама модернизация межнациональных отношений имела западную направленность исходя из решения задач привлечения интеллигенции нерусских народов к управлению своими народами и включения масс нерусского населения в политическую жизнь, поднятия уровня культуры и повышения жизни этих народов. Однако само государственное устройство Советской России и позднее Советского Союза с учетом этнического критерия способствовало сохранению этнического своеобразия восточных народов и признаков восточного типа культуры внутри российской цивилизации. При этом у народов, относящихся к восточному типу культуры, было сильно родовое начало, которое было интегрировано в новую систему власти.

Подтвердим это суждение примером становления органов национальной автономии бурят и политики коммунистов в их отношении. Бурятское движение организационно оформилось вскоре после Февральской революции на общенациональном съезде, проходившем с 23 по 25 апреля 1917 г. в Чите под председательством Э.-Д. Ринчино. Съезд положил начало образованию национальной автономии бурятского народа, которая сложилась с учетом родовой принадлежности по схеме сомон–хошун–аймак–Временный бурятский национальный комитет.

После завершения широкомасштабной Гражданской войны на территории Иркутской губернии коммунисты были вынуждены определять свое отношение к органам национального самоуправления бурят. В рамках Комиссии по административному делению Иркутской губернии была создана специальная подкомиссия по вопросу о выделении бурятских национальных административно-хозяйственных единиц. В ее работе от бурятской коммунистической секции принял участие член первой бурятской большевистской группы в Иркутске Г.Г. Данчинов. Как оказалось, его позиция по вопросу о выделении бурятских органов национального самоуправления принципиально отличалась от позиции русских членов подкомиссии В. Неупокоева и Н. Шубина. Возникла необходимость подготовить для комиссии доклад о выделении бурятских национальных административно-хозяйственных единиц. Русские советские работники признали, что «существуют факторы, возникающие естественным путем, вызывающие и обуславливающие выделение бурятских национальных организаций, и располагаются они по своей важности в следующей постепенности: экономические, хозяйственные, административные и политические – и решили, что по такой схеме должен быть составлен и сам доклад». С мнением русских членов комиссии категорически не согласился бурят Г.Г. Данчинов. Он заявил: «Принимая во внимание, что, во-первых, национальная обособленность не противоречит Советской Конституции и национальное самоопределение отдельных народностей включено в программу Коммунистиче-

ской партии, что, во-вторых, среди бурят, несомненно существует сильное и массовое стремление к обособленности и что, наконец, в бурятской массе наблюдаются явные, так сказать, рудиментарные остатки прежней родовой наследственности и кочевого скотоводческого быта, а потому необходимо возникшие уже явочным порядком и существующие бурятские национальные организации временно сохранить. Таким образом, доминирующим в решении вопроса является фактор политический, что же касается факторов экономического, хозяйственного и административного, то значение их второстепенное и, скорее, отрицательное, чем положительное» [31. С. 310–311]. Под политическим вопросом Г.Г. Данчиновым понимался вопрос о суверенизации бурят путем легализации уже существовавших органов бурятского самоуправления. Показательно, что буряты сумели защитить свои интересы и их родовая система была институционализирована в системе местных советов. По существовавшей аймачной схеме, в основе которой лежал принцип родовой принадлежности, были созданы местные советы. Приведенный пример показывает то, как родовое устройство бурятского социума было институализировано в системе местных национальных советов, решившей задачу модернизации политики государства в отношении народов России по обеспечению широкого участия этнических элит в управлении своими народами и участием масс в политических процессах. Также он подтверждает важнейший методологический тезис Лии Гринфилд о том, что «национализм определяет современность, а не определяется ею» [7. С. 22]. Получается, что не модернизация порождает национализм, а национализм модернизацию. Соотнося цивилизационную составляющую, основанную на традиции (партикуляризм), с модернизацией, основанной на новации (универсализм), отметим, что национализм бурятской элиты позволил сохранить традиционные институты жизни народа, при этом открыв дорогу для их модернизации.

В современном научном и общественно-политическом дискурсе стало модным критиковать политику Советского государства в отношении народов России. Известный отечественный специалист в области нациопонимания А.И. Миллер считает, что «советская национальная политика совершенно не умела защищать меньшинства и знала только один способ решения проблем этнических меньшинств – превращение их в большинство или титульную нацию административных образований. На практике часто получалось, что другие группы населения, проживавшие на территории автономий, в том числе русские, оказывались ущемлены в своих правах» [32. С. 136]. В приведенных словах есть доля правды. Но ложка дегтя не должна испортить бочки меда. В результате модернизации в России, сопровождавшейся революциями и Гражданской войной, был найден собственный цивилизационный рецепт включения масс в политические процессы. В Советской России была построена достаточно стройная структура советских органов власти, а в основу «права наций на самоопре-

деления» была положена этническая идентичность, основанная на культурных традициях. Правящая коммунистическая партия обеспечила участие этнических элит во власти, тем самым укрепив государственное единство и обеспечив завершение Гражданской войны в местах компактного проживания нерусских народов. Заслугу большевиков по восстановлению России после Гражданской войны признавали многие их противники. В частности, Г.К. Гинс по этому поводу писал: «Как показали события, Россию надо было восстанавливать по частям, но адмирал Колчак и генерал Деникин не смогли найти общего языка с теми, кто проявил склонность к сепаратизму. Большевики, как интернационалисты, совершенно безучастно относящиеся к идее единой России, фактически объединили ее и почти уже разрешили проблему воссоздания России, направив ее развитие в новое русло» [33. С. 611–612].

Советская модернизация межэтнических отношений в России проводилась на основе опыта собственного цивилизационного развития. Современный западный исследователь советской национальной политики Т. Мартин предложил для характеристики ее сущности термин «империя положительной деятельности»: «Большевики пытались объединить выдвигавшееся националистами требование собственной национальной территории, культуры, языка и элиты с требованиями социалистов, ставившими своей целью создание экономически и политически единого государства. В этом смысле мы бы могли назвать большевиков интернационалистическими националистами, или, еще точнее, националистами положительной деятельности» [34. С. 28]. Советское государство стремилось сберечь народы России, сохранив их этническое своеобразие в условиях системной модернизации всех сфер жизни российского социума, успешного становления индустриального общества. В недавнем прошлом «отсталые инородцы» стали полноправными советскими гражданами, выйдя на качественно новый уровень культурного развития и социально-экономических условий жизни. Показательно, что в результате политики коммунистов в отношении нерусских народов России слово «инородцы» вышло из официального употребления. В языке советской эпохи те народы, которые при старом режиме юридически определялись как «инородцы», были объединены под новым термином «отсталые народы», и центральная власть стала перераспределять значительную часть общегосударственных ресурсов на цели поднятия общего уровня развития их культур и социально-экономическое развитие заселенных этими народами территорий.

Модернизация российской цивилизации по своей сущности не была вестернизацией, страна нашла собственный рецепт осовременивания политики государства в отношении народов России при сохранении и развитии их культурного своеобразия, обеспечивший широкое участие этнических элит в управлении своими народами и включивший массы в политические процессы. Специфика цивилизационного развития России определила своеобразие ее модернизации.

В свою очередь, советская модернизация вела к пере рождению архаичных народов в современные нации, т.е. народы России шли по общему для всех других народов пути национального развития. Образно выражаясь, цивилизационная специфика не отменила общие для всех народов цель и направление развития, но задавала им собственную траекторию.

Перспективы синтетической теории национализма

О необходимости познания национализма в современных условиях Лия Гринфилд просто и точно заявила: «Национализм занимает центральное место в нашем существовании... понять его сегодня – жизненно необходимо» [7. С. 30]. Социальные науки, несмотря на наблюдаемый в них бурный рост интереса к исследованиям феноменов наций и национализмов, продолжают пока отставать от развития современной политической практики. В этой связи И.С. Семененко справедливо считает, что они оказались «не готовыми к объяснению бурного роста национализма в условиях глобализации...» [35. С. 94]. При этом следует согласиться с Мирославом Хрохом, указывающим, что «все “теории национализмов” приходится рассматривать как планы дальнейших исследований» [36. С. 121]. В настоящее время очевидно, что постмодернистская парадигма развития научного мышления в области межэтнических отношений, породившая концепцию мультикультурализма, не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Крах мультикультурализма признан лидерами ведущих государств Западной Европы. Противостояние партикулярных национализмов глобализации обостряется по всему миру. При всех различиях конкретных национализмов, национализм как явление культуры и общественно-политической жизни имеет общие паттерны. Для теоретического объяснения феномена национализма необходима валидная «синтетическая» теория, позволяющая выделить их. В то же время она должна быть достаточно гибкой, основанной на факторном подходе, чтобы учитывать исторические особенности многообразных национализмов и националистических практик. В таких условиях перспектива «синтетической» теории национализма заключается в том, что она придаст новый импульс его теоретическому объяснению, интегрируя теории, объясняющие его отдельные аспекты, и будет способствовать совершенствованию практики регулирования межэтнических отношений.

Обращаясь к вопросу о перспективе построения «синтетической» теории национализма, следует признать, что одной из основных характеристик национализма является его историчность. В этой связи «синтетическая» теория национализма не может быть создана «на поле истории и под ее эгидой» без применения принципов историзма и методологического синтеза. Подобная теория изучения национализма может быть создана в ходе активного взаимодействия гуманитарных и социальных наук. Взгляд на национализм на основе общих метатеорий исторического процесса позволяет смотреть на этот феномен в ши-

роком историческом контексте с учетом факторов, обуславливающих специфику развития отдельных национализмов, увидеть в национализмах универсальное и партикулярное, что присуще им по природе. Особую роль для исследования национализма играют теории модернизации и цивилизационная. Они позволяют исследовать национализм как исторический феномен в рамках глобальных культурных, социальных, политических и экономических явлений и процессов. Стоит заметить, что сами по себе логики исследования теорий модернизации и цивилизационной с чисто формальной точки зрения идентичны. Обе эти теории в равной степени нацелены на изучение исторических трансформаций. Различие состоит лишь в том, что цивилизационная теория исследует трансформационные процессы в рамках культуры, в то время как для теории модернизации приоритетными областями анализа являются трансформационные процессы в рамках политических и экономических институтов. Однако если согласиться с Лией Гринфельд, утверждающей, что отношения между Модерном и национализмами состоят в том, что не Модерн рождает национализмы, а, напротив, национализмы открывают страны для модернизации, а также принять во внимание тот факт, что национализмы стимулируют модернизационные процессы комплексно, затрагивая и

культуру, и политику, и экономику, то стоит признать, что различия и методологические противостояния модернизационного и цивилизационного подходов могут быть успешно преодолены. Хотя, разумеется, рассматривая любой комплексный процесс, тем более такой сложный, как модернизация, включающий в себя несколько коррелятивно связанных линий трансформации, мы всегда оставляем место для споров и дискуссий между сторонниками цивилизационного и модернизационного подходов.

Иными словами, вопросы о ведущей и производной составляющих в таком сложном комплексе, как модернизация, включающем в себя культуру, политику и экономику, безусловно, остаются. Однако желание сбалансировать между собой универалистский вектор модернизации и партикуляристский вектор цивилизационной принадлежности открывает широкие перспективы для использования междисциплинарного в своей основе факторного подхода, поскольку только в рамках последнего обеспечивается релевантное сочетание элементов цивилизационной и модернизационной теорий в создаваемых объяснениях быстрой трансформации архаичных народов в современные нации со всеми присущими им атрибутами: национальным самосознанием и институтами национально-территориального самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кон Х. Идея национализма // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М. : Новое издательство, 2010. С. 27–61.
2. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб. : Алетей, 1998. 298 с.
3. Breuilly J. Reflections on Nationalism // *Philosophy of the Social Sciences*. 1985. Vol. 15, № 1. P. 65–75.
4. Брубейкер Р. Мифы и заблуждения в изучении национализма // Мифы и заблуждения в изучении национализма. М. : Новое издательство, 2010. С. 62–109.
5. Ozkirimli U. The nation as an artichoke? A critique of ethnosymbolist interpretations of nationalism // *Nations and Nationalism*. 2003. № 9 (3). P. 339–355.
6. Геллнер Э. Нации и национализм / ред. и послесл. И.И. Кручинина. М. : Прогресс, 1991. 320 с.
7. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М. : ПЕР СЭ, 2012. 528 с.
8. Энтони Д. Смит. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / пер. с англ. А.В. Смирнова, Ю.М. Филиппова, Э.С. Загашвили и др. М. : Праксис, 2004. 464 с.
9. Bell D. Ethnicity and social change // *Ethnicity: Theory and Practice* / N. Glazer, D. Moynihan (eds). Cambridge MA : Harvard University Press, 1975. P. 141–174.
10. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М. : Логос-Альтера, EcceHomo, 2003. 272 с.
11. Geary P.J. *The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe*. Princeton : Princeton University Press, 2002.
12. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышление об истоках распространения национализма / пер. с англ. В. Николаева ; вступ. ст. С. Баньковской. М. : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2001. 288 с.
13. Hayes C. Nationalism as a Religion // *Essays on Nationalism*. New York : Macmillan, 1926.
14. Методологический синтез: прошлое, настоящее, возможные перспективы / под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой. М. : Логос, 2005. 192 с.
15. Сушко А.В. Использование колчаковским режимом религиозных чувств населения в годы Гражданской войны // *Омский научный вестник*. 2012. Сер. Общество. История. Современность. № 5 (112). С. 7–10.
16. Van Evera S. Primordialism lives! // *Newsletter of the Organized Section in Comparative Politics of the American Political Science Association*. 2001. Vol. 12, № 1. P. 20–22.
17. Bayar M. Reconsidering primordialism: an alternative approach to the study of ethnicity // *Ethnic and Racial Studies*. 2009. Vol. 32, № 9. P. 1639–1657.
18. Шерстова Л.И. Этническая консолидация или конструирование: проблема генезиса традиционных культур // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 402. С. 176–180.
19. Розов Н.С. Философия и теория истории. Кн. 1: Прологомены. М. : Логос, 2002. 656 с.
20. Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия / отв. ред. В.В. Трепавлов ; Ин-т рос. истории. М. : Наука, 2003. 378 с.
21. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М. : Наука, 2000. 246 с.
22. Российская модернизация: проблемы и перспективы (материалы круглого стола) // *Вопросы философии*. 1993. № 7. С. 3–39.
23. Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129, № 1. P. 1–29.
24. Федотова В.Г. От догоняющей модернизации к национальной: теоретический аспект. URL: http://perspectivy.info/rus/gos/ot_dogonajushhej_modernizacii_k_nacionalnoj_teoreticheskij_a (дата обращения: 22.06.2016).
25. Солодухо Н.М., Сабирзянов А.М. Переоценка теории факторов: методология ситуационного подхода // *Ученые записки Казанского государственного университета*. 2007. Т. 149, кн. 5. С. 53–61.
26. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М. : Айрис-Пресс, 2003. 592 с.
27. Ленин В.И. Рабочий класс и национальный вопрос // *Полн. собр. соч.* 5-е изд. М. : Изд-во полит. лит., 1973. Т. 23. С. 149–150.

28. Десятый съезд РКП(б). май 1921 г. Стенографический отчет. М., 1963.
29. Тайны национальной политики ЦК РКП. Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М. : ИНСАН, 1992. 296 с.
30. ЦК РКП (б)–ВКП (б) и национальный вопрос. Кн. 1: 1918–1933 гг. / сост. Л.С. Гатагова, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая. М. : РОССПЭН, 2005. 784 с.
31. Сушко А.В. Процессы суверенизации народов Сибири в годы Гражданской войны. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЛЕНАНД, 2014. 376 с.
32. Миллер А.И. Нация, или Могущество Мифа. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2016. 146 с.
33. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М. : Айрис-пресс, 2008. 672 с.
34. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М. : РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 855 с.
35. Семенов И.С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 91–102.
36. Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. ; пер с англ. и нем. Л.Е. Переславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. М. : Праксис, 2002. С. 121–145.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 августа 2016 г.

THE THEORY OF NATIONALISM AND HISTORICAL RESEARCH: UNIVERSALISM VS. PARTICULARISM

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 410, 142–152.

DOI: 10.17223/15617793/410/23

Alexey V. Sushko, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation); Omsk Tank-Automotive Engineering Institute (Omsk, Russian Federation). E-mail: Alexsushko@rambler.ru

Andrey V. Nekhaev, Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). E-mail: A_V_Nehaev@rambler.ru

Keywords: nationalism; nation; civilization theory; modernization theory; perennialism; factor approach to historical processes.

The article proves that the historicity of the phenomenon of nationalism makes its theory only possible “in the field of history and under its auspices” using the principles of historicism and methodological synthesis. Such a “synthetic” theory for the study of nationalism should be established in the active interaction of the Humanities and Social Sciences. A look at nationalism on the basis of common historical meta-theories allows us to take the phenomenon in a broader historical context, to take into account factors that determine the specific development of peculiar nationalisms, to find in nationalism the particular and the universal features which are inherent in its nature. A special role for nationalism study belongs to the modernization theory and the civilization theory reflecting the particular and the universal principle in the development of humankind. From a formal point of view the study logic of these theories is identical. Both theories are equally focused on the study of historical transformations. The only difference is that the civilization theory investigates the processes of transformation within culture, while for the modernization theory the priority areas of analysis are the transformation processes in political and economic institutions. The ability to balance between the universalistic vector of modernization and the particularistic vector of the civilizational identity opens up broad prospects for the use of the multi-disciplinary factor approach, because only the latter provides a relevant combination of elements of civilization and modernization theories for explanations of the rapid transformation of archaic peoples in the modern nation with all their attributes like national identity and institutions of national and local government. To justify this theoretical scheme the authors of the article provide an empirical example associated with the modernization of state policy in the 1920s for the Buryats by the Communists that were in power. On this basis, it is concluded that the Soviet modernization of state policy towards the peoples of Russia was carried out taking into account Russian civilizational peculiarities that included elements of both western and eastern culture types. The modernization of interethnic relations was westernized. It was solving problems of attracting intellectuals in non-Russian peoples to control their own peoples and inclusion of the non-Russian bulk of the population in the political life, in raising of the culture level and quality of life for these peoples. However, the very political system of Soviet Russia and the Soviet Union contributed to the preservation of ethnic identity of the Eastern peoples and features of the eastern type of culture within the Russian civilization. At the same time among the peoples belonging to the eastern type of culture there was a strong kinship principle which was integrated into the new government system.

REFERENCES

1. Kon, Kh. (2010) Ideya natsionalizma [The idea of nationalism]. In: Gerasimov, I. Mogil'ner, M. & Semenov, A. (eds) *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and misconceptions in the study of empire and nationalism]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
2. Hobsbawm, E. (1998) *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda* [Nations and Nationalism since 1780]. St. Petersburg: Aleteya.
3. Breuilly, J. (1985) Reflections on Nationalism. *Philosophy of the Social Sciences*. 15:1. pp. 65–75.
4. Brubaker, R. (2010) Mify i zabluzhdeniya v izuchenii natsionalizma [Myths and misconceptions in the study of nationalism]. In: Gerasimov, I. Mogil'ner, M. & Semenov, A. (eds) *Mify i zabluzhdeniya v izuchenii imperii i natsionalizma* [Myths and misconceptions in the study of empire and nationalism]. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
5. Ozkirimli, U. (2003) The nation as an artichoke? A critique of ethnosymbolist interpretations of nationalism. *Nations and Nationalism*. 9 (3). pp. 339–355.
6. Gellner, E. (1991) *Natsii i natsionalizm* [Nations and nationalism]. Moscow: Progress.
7. Greenfield, L. (2012) *Natsionalizm. Pyat' putey k sovremennosti* [Nationalism. Five ways to modernity]. Moscow: PER SE.
8. Smith, A.D. (2004) *Natsionalizm i modernizm: Kriticheskiy obzor sovremennykh teorii natsiy i natsionalizma* [Nationalism and modernism: A critical review of the modern theories of nations and nationalism]. Moscow: Praksis.
9. Bell, D. (1975) Ethnicity and social change. In: Glazer, N. & Moynihan, D. (eds) *Ethnicity: Theory and Practice*. Cambridge MA: Harvard University Press.
10. Balibar, E. & Wallerstein, I. (2003) *Rasa, natsiya, klass. Dvumyslennye identichnosti* [Race, nation, class. Ambiguous identity]. Moscow: Logos-Al'tera, EcceHomo.
11. Geary, P.J. (2002) *The Myth of Nations: The Medieval Origins of Europe*. Princeton: Princeton University Press.
12. Anderson, B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshlenie ob istokakh rasprostraneniya natsionalizma* [Imagined Communities. Thinking about the origins of the spread of nationalism]. Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole.

13. Hayes, C. (1926) Nationalism as a Religion. In: Hayes, C. *Essays on Nationalism*. New York: Macmillan.
14. Mogil'nitskiy, B.G. & Nikolaeva, I.Yu. (eds) (2005) *Metodologicheskiy sintez: proshloe, nastoyashchee, vozmozhnye perspektivy* [Methodological synthesis: past, present and possible perspectives]. Moscow: Logos.
15. Sushko, A.V. (2012) Regarding the issue of speculating upon religious beliefs of citizens by Kolchak regime during the Civil war. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'* – *Omsk Scientific Bulletin. Society. History. Modernity*. 5 (112). pp. 7–10. (In Russian).
16. Van Evera, S. (2001) Primordialism lives! *Newsletter of the Organized Section in Comparative Politics of the American Political Science Association*. 12:1. pp. 20–22.
17. Bayar, M. (2009) Reconsidering primordialism: an alternative approach to the study of ethnicity. *Ethnic and Racial Studies*. 32:9. pp. 1639–1657. DOI: 10.1080/01419870902763878
18. Sherstova, L.I. (2016) Ethnic consolidation versus construction: traditional cultures genesis problem. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 402. pp. 176–180. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/402/24
19. Rozov, N.S. (2002) *Filosofiya i teoriya istorii* [Philosophy and theory of history]. Vol. 1. Moscow: Logos.
20. Trepavlov, V.V. (ed.) (2003) *Rossiyskaya mnogonatsional'naya tsivilizatsiya: Edinstvo i protivorechiya* [The multinational Russian civilization: Unity and contradictions]. Moscow: Nauka.
21. Alekseev, V.V. (ed.) (2000) *Opyt rossiyskikh modernizatsiy. XVIII–XX veka* [The experience of Russian modernization. The 18th–20th centuries]. Moscow: Nauka.
22. Voprosy filosofii. (1993) Rossiyskaya modernizatsiya: problemy i perspektivy (materialy kruglogo stola) [The Russian Modernization: Problems and Prospects (roundtable materials)]. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 3–39.
23. Eisenstadt, S.N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*. 129:1. pp. 1–29.
24. Fedotova, V.G. (n.d.) *Ot dogonyayushchey modernizatsii k natsional'noy: teoreticheskiy aspekt* [From catch-up to national modernization: the theoretical aspect]. [Online] Available from: http://perspectivy.info/rus/gos/ot_dogonajushhej_modernizatsii_k_natsionalnoj_teoreticheskiy_a. (Accessed: 22nd June 2016).
25. Solodukho, N.M. & Sabirzyanov, A.M. (2007) Pereotsenka teorii faktorov: metodologiya situatsionnogo podkhoda [Revaluation of the theory of factors: the methodology of the situational approach]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Kazan University*. 149:5. pp. 53–61.
26. Toynbee, A. (2003) *Tsivilizatsiya pered sudom istorii* [Civilization before the trial of history]. Moscow: Ayris-press.
27. Lenin, V.I. (1973) Rabochiy klass i natsional'nyy vopros [The working class and the national question]. In: Lenin, V.I. *Poln. sobr. soch.* [Complete works]. 5th ed. Vol. 23. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury.
28. State Publishing House of Political Literature. (1963) *Desyatyy s'ezd RKP(b). may 1921 g. Stenograficheskiy otchet* [The Tenth Congress of the RCP (b). May 1921. Transcript]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
29. INSAN. (1992) *Tayny natsional'noy politiki TsK RKP. Chetvertoe soveshchanie TsK RKP s otvetstvennymi rabotnikami natsional'nykh respublik i oblastey v g. Moskve 9–12 iyunya 1923 g. Stenograficheskiy otchet* [Secrets of the Central Committee of the Communist Party of the national policy. The fourth meeting of the Central Committee of the RCP with senior officials of the national republics and regions in Moscow, 9–12 June 1923. Transcript]. Moscow: INSAN.
30. Gatagova, L.S., Kosheleva, L.P. & Rogovaya, L.A. (2005) *TsK RKP(b)-VKP(b) i natsional'nyy vopros* [The Central Committee of the RCP (B)–UCP (b) and the national question]. Vol. 1. Moscow: ROSSPEN.
31. Sushko, A.V. (2014) *Protsessy suverenizatsii narodov Sibiri v gody Grazhdanskoy voyny* [Processes of gaining sovereignty of the peoples of Siberia during the Civil War]. 2nd ed. Moscow: LENAND.
32. Miller, A.I. (2016) *Natsiya, ili mogushchestvo Mifa* [Nation, or the power of myth]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg.
33. Gins, G.K. (2008) *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoy istorii. 1918–1920* [Siberia, allies and Kolchak. The turning point in Russian history. 1918–1920]. Moscow: Ayris-press.
34. Martin, T. (2011) *Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [Empire of “positive activities”. Nation and nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN: Fond “Prezidentskiy tsentr B.N. El'tsina”.
35. Semenenko, I.S. (2015) Nations, Nationalism, National Identity: New Dimensions in Academic Discourse. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 11. pp. 91–102. (In Russian).
36. Khrokh, M. (2002) *Ot natsional'nykh dvizheniy k polnost'yu sformirovavsheysya natsii: protsess stroitel'stva natsiy v Evrope* [From the national movements to a fully formed nation: the process of nation-building in Europe]. In: Anderson, B. et al. (eds) *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism]. Moscow: Praksis.

Received: 11 August 2016